

Н. А. ПОЛЕВОЙ

«СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА». Т. I—XI

СПб., в тип<ографии> Эксп<едиции> загот<овления> госуд<арственных> бумаг и
И. Глазунова и Комп. 1838 и 1841 гг.,
в 8; 439, 376, 242, 328, 247, 310, 257, 324, 480, 308 и 353 стр.

Неизобразимая грусть овладела сердцем, когда мы положили перед собою три последние, вышедшие в прошедшем году тома Сочинений Пушкина, — *последние* — окончательный расчет его с людьми, памятник, поставленный на могиле поэта, голос, долетающий к нам уже из-за пределов гроба и навеки умолкающий. Горестна, невыносимо горестна мысль, что мы не услышим уже более вещей речи Пушкина, что звуки навеки улетели из его вдохновенной лиры и она, осиротелая, с порванными струнами, брошена на его преждевременную могилу! Провидение непостижимо! неужели справедлива оскорбляющая твое величие мысль, что все прекрасное здесь непрочное, все великое мимолетный гость в мире? Нет! Смирям сердце пред непостижимую тайною, но можем ли не грустить, не скорбеть о нашем Пушкине? Скоро совершится пять лет, как мы потеряли его, и в сии пять лет тем полнее могли мы оценить великость потери нашей, что ни *одна лира*, ни *один голос* не отозвались у нас звуками, хоть сколько-нибудь равными тем упоительным звукам, какими лелеял нас великий поэт наш. После Державина не являлось другого Державина, после Пушкина не явился еще другой Пушкин.

Тень поэта не упрекнет невнимательностью и неблагодарностью современников — нет! Пушкин принадлежал к числу поэтов, которых при жизни их понял и оценил век их. С каким нетерпением ждали мы всегда его поэтической речи, какой восторг всегда производила она! Не доказательство ли, что ни в какое время нет *безвременья* великому, истинному дарованию? Оно всегда вовремя, небесный гость со знамением гения на челе. Но если люди спорят еще за удивление, за восторг свой, пока такой посетитель земли теснится еще в толпе их, спор мгновенно умолкает, когда, отделясь от нее, он устремляется незримым орлом по поднебесью. Смерть таких людей бывает первым шагом к их бессмертию, и едва могила примет их бранные останки, едва земля возьмет земное, начинается апофеоз бессмертного, не умирающего с ними. Смерть Пушкина была общею горестью отечества: ее почтил участием великий монарх России, ее оплакивали равно и в великолепных чертогах, и в бедной хижине. Русский народ единодушно плакал на могиле своего великого, своего любимого поэта.

По кончине его все нетерпеливо ожидали издания его *полных сочинений*, хотели видеть и слышать все, что успел высказать Пушкин, требовали, чтобы *ничто* не было забыто, все было собрано: и те творения, которые еще при жизни его мы вытвердили наизусть, и то, что приготовил он и не успел передать нам, и то, что осталось от него едва отчеркнутое, едва набросанное.

Общий голос, говоря вообще, тот, что почтенные издатели полных сочинений Пушкина не вполне оправдали ожидание соотечественников. Не го-

воря уже о том, что безмерно дорогою ценою лишили они многих возможности иметь полные сочинения Пушкина, ни о том, что они томили нас, издавая их пять лет, но и самое издание не соответствует участию и благоговению, какие храним мы к памяти поэта. Начать с того, что издание книги некрасиво и небрежно напечатано — даже с ошибками и непростительными опечатками! Далее, для чего было издавать сначала *восемь*, а потом еще *три* тома? Оттого пьесы перемешались, проза и стихи перепутались, не представляя никакой системы в своем расположении. Правда, система для издания полных сочинений поэта дело нерешенное. Разделение их по родам часто производит споры. Многие думают даже, что самый лучший порядок есть хронологический, ибо тогда видно развитие идей поэта, видны переходы духовной жизни его и отношений ее к внешней жизни. Мысль сия более остроумна, нежели верна, и притом, располагая систематически по родам, можно приложить при жизни поэта и хронологический список его сочинений. Такого списка нет при сочинениях Пушкина. И можно ли поверить, не выдавши, что при нем нет даже жизнеописания! Неужели не нашлось никого, кто в течение пяти лет собрал бы все подробности и составил жизнеописание Пушкина, когда еще живы столько людей, коротко знавших его, жив его родитель, живы товарищи его по ученью? Мы знаем умную, красноречивую переписку Пушкина со многими. Какие материалы могли бы доставить его письма! Но почтенные издатели не только не позаботились удовлетворить нас жизнеописанием Пушкина, они не приложили даже никакого *предисловия*, никаких *пояснений*, они лишили нас даже некоторых напечатанных прежде заметок и примечаний Пушкина, исключили даже означения годов при разных сочинениях, которые в прежних изданиях сохранял Пушкин. Не говорим уже о принадлежностях, которые считаются необходимыми при хороших изданиях каждого замечательного писателя, как то: библиографических сведениях о прежних изданиях, вариантах, примечаниях, пояснениях (о роскоши издания, портрете, виньетках, картинках мы и упоминать не хотим). Все это сколько драгоценно для полного познания поэта и его творений, столько же любопытно бывает для литературной истории вообще. Мы жалуемся, что наши старики так небрежно поступали с Ломоносовым и с другими достопамятными людьми и что мы через то многое утратили и потеряли безвозвратно. Но вот теперь нам случай показать пример противного при сочинениях Пушкина, и что же мы делаем? Издаем сочинения его так небрежно, как будто они не такие творения, которые драгоценны отечеству, а собрание прозы и стихов какого-нибудь писателя обыкновенного. Почтенные издатели не приняли даже на себя труда сказать нам: *все ли теперь издано, что найдено в бумагах Пушкина?* Не говоря о разных безделках, которые упущены ими в журналах и альманахах и на которые беспрестанно указывают им со всех сторон, за ними справка: сказать нам, все ли именно выбрано ими в бумагах Пушкина? Они ни слова не говорят нам о драгоценном для нас предприятии Пушкина, «Истории Петра Великого». Начал ли он ее? Если начал, то далеко ли довел ее? Если не принимался он за окончательное изложение ее, то что приготовил он? Не оставил ли хоть каких-нибудь заметок? Жадно хотим мы все это знать и даже, осмеливаемся сказать, мы вправе требовать о том отчета от людей,

взявших на себя обязанность передать отечеству все умственные сокровища, оставшиеся после Пушкина¹.

Но теперь, однако ж, когда если и не вполне удовлетворительно изданы *полные сочинения* Пушкина, наступило время важного труда русской современной критике. От нее ожидаем мы окончательного суда и приговора Пушкину и его созданиям. Она должна подать голос свой. Не будет он ни безусловным, ни окончательным, ибо людей, подобных Державину и Пушкину, пересуживают каждое поколение, каждый век в силу своего уложения. Но мы *должны*, однако ж, говорить, и говорить откровенно, беспристрастно, с равным участием сердца и ума, патриотической гордостью и космополитическим бесстрашием. Пусть только те, кто думает, что каждая критика есть осуждение, что критике предоставлено только наказание бездарности, пусть те полагают, что о Пушкине мы не должны говорить и что вся критика нашего времени касательно его должна состоять из похвальных восклицаний. Нет! истинною, беспристрастною оценкою обязаны мы памяти Пушкина даже и потому, что обязаны доказать тем уважение к памяти его, ибо критика наша, самая неумолимая, покажет, что Пушкину нечего бояться приговора самого строгого. Мы обязаны дать критический отчет об его творениях и из уважения к самим себе, ибо оправдать и доказать то высокое мнение, какое создалось между нами при жизни Пушкина и пережило его. Наконец, какой случай может быть лучше показать нам меру нашего собственного образования, если не оценка великого современного поэта? И какой труд поучительный, теперь, когда для него все кончилось, когда ни личные отношения наши к нему не препятствуют, ни смещение *исполненного и ожидаемого*, подвигов его и надежд на новые подвиги не ослепляет нас, какой труд поучительный разбор и оценка творений Пушкина! Пушкин как человек, Пушкин как *поэт*, Пушкин как *деятель* в современной жизни, заслуги его, успехи его, то, чего мы от него ожидали, что он исполнил, что хотел исполнить, чего не исполнил вовсе, — вот обязанность нашей критики. Неужели Пушкину бояться суда неподкупного? Если критика и откажет ему в чем-либо таком, что видит в нем слепое удивление толпы, если она отвергнет недостойные имени его похвальные возгласы чьи-нибудь, зато тем прочнее утвердит она бесспорные права его на имя поэта великого, на место в пантеоне русском рядом с другими товарищами его по бессмертию. Неужели такой суд, такой приговор в чьих-либо глазах будут неблагоприятною, несправедливостью к Пушкину? Неужели предпочтут ему клик нестройного, безотчетного удивления какого-нибудь краснособя или болтовню человека, который хочет уцелеть под именем друга Пушкина, как мошки успевают уцелеть в янтаре и горном хрустале? Неужели мы удовольствуемся суждением какого-нибудь немца, едва разбирающего Пушкина по складам, и, ссылаясь на него, скажем: «Что нам говорить? Видите, Пушкин приобрел уже *европейскую славу*»² Но мы сами разве в Азии живем? Разве нам, как азиятцам, отдано на долю только безотчетное хваление? Нам, правда, любопытно послушать, что говорят о Пушкине иностранцы, но мы должны жить своим самобытным, *русским* умом.

Обращаясь собственно к самим нам, пишущему сии строки, скажем, что как ни мало имеем мы доверия к собственному нашему мнению, как ни чув-

ствуем мы недостаток познания и средств наших для надлежащего, удовлетворительного суждения о Пушкине, но с тем вместе обязанностью почитаем мы изложить в «Русском вестнике» по возможности полные сведения о жизни Пушкина и полный разбор его сочинений. Тому и другому посвятим мы в течение года несколько статей³.

Пишущий сии строки не смеет причислить себя к *друзьям* Пушкина. Он смеет думать, что Пушкин наградил бы его, может быть, большею приязнью, даже дружбою, если бы не обстоятельства и не отношения их разделяли. Смеет думать он и то, что, может быть, он более многих других ценил, понимал Пушкина при жизни его, более многих других дорожил его славою и желал ему добра, при жизни поэта осмеливаясь беспристрастно и смело говорить ему правду и скорбя, когда, казалось ему, Пушкин не выдерживал своего характера, как человек и как поэт. Увлекаемый отношениями, о которых не хотим мы здесь говорить, Пушкин иногда оскорблялся тем, даже несколько раз бывал несправедлив, но, пылкий и добрый, он сознавался потом в своей несправедливости и до конца жизни сохранил уважение к своему критику. С 1825 года начались наши письменные сношения, когда Пушкин жил в своей псковской деревне. Он принял живое участие в журнале, который начал я тогда издавать в Москве⁴. Следуя за всеми движениями современной литературы, он присылал даже в мой журнал критические статьи. Две таких статьи было им тогда прислано. Одну написал он, прочитавши в «Сыне отечества» статью г-на М—ва о г-же Сталь; другую — прочитавши предисловие к басням Крылова, изданным во французских и итальянских переводах графом Г. В. Орловым, что наделало тогда много шума⁵. Печатаю здесь вновь обе сии статьи, ибо книжки журнала, где были они помещены семнадцать лет тому, сделались ныне большою редкостью. Притом обе сии статьи, не означенные именем Пушкина, не вошли в полное собрание его сочинений, а их должно сохранить. Нам драгоценна каждая строка Пушкина, но здесь читатели увидят еще тогдашний взгляд Пушкина на многое, увидят мысли его, умные, верные. Таково все, что говорит в сих статьях Пушкин о Ломоносове, о покровительстве словесности светскими людьми. — В 1826 году, когда приехал Пушкин в Москву, дружески встретились мы, и он изъявил мне радость свою о том, но вскоре обстоятельства, а паче люди, успевшие протесниться и стать между нами, охолодили нас друг к другу. С 1827 года Пушкин принял участие в «Московском вестнике». Много любопытных, дополняющих характер Пушкина черт мог бы я рассказать, описывая отношения, встречи и разговоры мои с ним в течение десяти лет с 1827 года. Помнится, в 1834 году встретился я с ним в последний раз. Мог ли я тогда думать, что Пушкина, юного, цветущего здоровьем, наверху славы его, вижу я в *последний* раз! Угнетенный житейскими скорбями и полубольной был я, когда в Москву прилетела горестная весть о смерти Пушкина. Никто не верил. Но когда в «Северн<ой> пчеле» появилось известие, подписанное поэтом Якубовичем, страшное сомнение превратилось в ужасающую достоверность — Якубович извещал русских о смерти Пушкина: настоящая сцена могильщика в «Гамлете»!..⁶ Я забыл мое горе, мои ничтожные, но тяжкие заботы жизни, горькими слезами почтил память

Пушкина и написал немедленно все, что подсказало мне сердце (статья моя была помещена тогда в «Библиотеке» для чтения»⁷). В порыве души я призывал тогда всех литераторов воздвигнуть достойный памятник на могиле Пушкина. Голос мой не нашел отзыва других...

Мне казалось необходимым сказать о моих отношениях к Пушкину как человеку, дабы устранить всякое подозрение о беспристрастии, с каким могу и хочу я говорить об нем как о поэте, как о великом современнике нашем. Ни лесть, ни пристрастие не омрачат слов моих. Не льстил я Пушкину при жизни его, а чувство уважения к нему, чувство сознания его высоких дарований хранил я и тогда постоянно в душе моей; сии чувства пережили Пушкина, и как отголосок души моей на все прекрасное я сохраняю их до конца моей жизни — кто знает? — может быть, удаленного еще несколько грустными годами, а может быть, и близкого...

(1828. Ч. 1, № 4. С. 87–88; П. в критике П. С. 54, 353). В «Вестнике Европы» Н. И. Надеждин в статье «Литературные опасения за будущий год» лишь приводит его в качестве примера «подлых» вещей, описываемых современными поэтами (ВЕ. 1828. Ч. 162, № 22. С. 88–89). Пушкин дважды оправдывался за этот стих со ссылками на «Бову Королевича» и на Киришу Данилова: в примечании 31 к полному тексту романа (VI, 193–194) и в «Опровержении на критики», напечатанном в 11-м томе Посмертного собрания сочинений (с. 230; XI, 146–147), где привел измененную цитату про «старые грамматики» из «Атенея», с припиской: «Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в „Вестнике> Евр<опы>“».

⁶¹ Обе цитаты взяты из ломоносовской «Оды блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года» (1739).

⁶² Цитата из заметок, входящих в состав «Опровержения на критики» и напечатанных в Посмертном собрании в разделе «Смесь» (Т. 11. С. 214; XI, 148).

⁶³ Шевырев подразумевает пушкинские слова из «Опровержения на критики»: «Если в течение 16-ти летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения» (Посм. Т. 11. С. 204; XI, 143), но ему был неизвестен текст «Опыта отражения некоторых не-литературных обвинений»: «Можно не удостоивать ответом своих критиков <...> когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбранной книги. — Но из уважения к себе не должно по лености или добродушию оставлять без внимания оскорбительные личности и клеветы, ныне, к несчастию, слишком обыкновенные. — Публика не заслуживает такого неуважения. — Если в течение 16-ти летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику...» и т. д. (XI, 166; П. в критике, П. С. 301, 484–486, примеч. Т. И. Краснобородько).

Н. А. ПОЛЕВОЙ

«СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА». Т. I–XI

Русский вестник. 1842. № 1. С. 38–44.

¹ Особый интерес Полевого к работе Пушкина над «Историей Петра» не случаен. В январе 1836 г. Полевой через Бенкендорфа представил Николаю I програму задуманной им «Истории Петра Великого». Император одобрил его намерение, но отказал в доступе к государственным архивам, так как официальным историографом Петра был уже назначен Пушкин. «История Петра Великого» Полевого была издана в четырех частях в Петербурге в 1843 г.

² Полевой имеет в виду статью К. А. Фарнгагена фон Энзе и предисловие М. Н. Каткова, предпосланное ее переводу, напечатанному в «Отечественных записках» (1839. Т. 3, № 5. Прилож. С. 1–36; наст. изд., с. 297–320). Об отношении Полевого к статье Фарнгагена см. подробнее примеч. 2 к статье «Отзыв иностранца о Пушкине» — наст. изд., с. 551.

³ Обещанных статей Полевого о Пушкине и его сочинениях в «Русском вестнике» не появилось. С середины 1842 г. Полевой перестал сотрудничать в журнале.

⁴ Речь идет о журнале «Московский телеграф», издававшемся с 1825 г.

⁵ Речь идет о напечатанных в «Московском телеграфе» критических статьях Пушкина «О г-же Сталь и о г. А. М<ухано>ве» (1825. Ч. 3, № 12. С. 355–359; подпись: Ст. Ар. (что означало: Старый арзамасец)) и «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (1825. Ч. 5, № 17. С. 40–46; подпись: Н. К.). Текст обеих статей, не вошедших в Посмертное собрание сочинений, был перепечатан Полевым в этом же номере «Русского вестника» (с. 44–51).

⁶ См. д. 5, явл. 1 трагедии Шекспира «Гамлет» («Hamlet», 1601). Л. А. Якубович, автор некролога в «Северной пчеле» (1837. № 24, 30 января; наст. изд., с. 209), умер в первой половине 1839 г.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУШКИНСКИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

П · У · Ш · К · И · Н

В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ

1834–1837

*Под общей редакцией
Е. О. Ларионовой*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2008